

Кулясова А.А., Кулясов И.П. Локальные социально-экологические конфликты в контексте глобального процесса лесной сертификации // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. Политика природы: от среды выживания к среде обитания. М. 2006. № 2 (046). с. 225-232.

Антонина Кулясова, к.э.н., Иван Кулясов

Локальные социально-экологические конфликты в контексте глобального процесса лесной сертификации

Введение

Целью данной статьи является анализ примеров локальных социально-экологических конфликтов в контексте процесса лесной сертификации по системе FSC [1], продвигаемой в России глобальными акторами. Основная задача - тестирование тезиса о том, что глобализация не только порождает проблемы для окружающей среды и социума, но и стимулирует процессы, которые могут разрешить эти проблемы. Приведенные примеры исследовались в рамках ряда проектов, направленных на изучение трансформаций, происходящих в местных сообществах вследствие изменений практик лесопользования поселкообразующими предприятиями. Исследования проводились в 2000-2005 годах качественными социологическими методами [2].

FSC является крупной международной неправительственной организацией (НПО), включающей 130 членов в 30 странах мира. Лесная сертификация по системе FSC - процесс, продвигаемый международными экологическими негосударственными организациями (экоНПО), в первую очередь WWF[3] и "экологически продвинутым" бизнес-сообществом стран Западной Европы и Северной Америки. Эту сертификационную систему вслед за западными исследователями можно назвать "негосударственной системой регулирования труда" [4] или "системой негосударственного, продвигаемого рынком управления" [5]. FSC, помимо совершенствования системы управления лесным сектором, требует серьезных изменений экологического, экономического и социального подходов к развитию лесных территорий.

Стандарты FCS предусматривают экологически щадящие технологии лесозаготовки, обязательное лесовосстановление и лесоохрану, социальные гарантии для работников, создание профорганизаций, соблюдение прав местных сообществ и коренных народов, участие общественности в принятии решений, затрагивающих ее интересы. В 1990-е годы десять глобальных принципов FSC были поддержаны мировыми лесозэкспортерами и потребителями, фактически став международным стандартом лесопользования и лесопользования [6].

Национальные группы по FSC-сертификации в разных странах адаптируют общие принципы FSC для своей страны с учетом национальных законов и вырабатывают общие стандарты. Сертификационные системы создавались международными экологическими негосударственными организациями, бизнесом или государственными структурами. При этом системы, созданные разными

институциями, иногда существенно различаются и конкурируют между собой.

В России лесная сертификация по системе FSC является практически единственной [7], она осуществляется с 2000 года в лесных регионах: на северо-западе в Псковской, Новгородской, Архангельской, Вологодской областях, Республике Коми, а также в Сибири и на Дальнем Востоке. На март 2006 года в России лесные компании получили 25 сертификатов на цепочку поставок древесины, сертифицирована система лесопользования лесных компаний на площади 7,8 миллиона гектаров, что составляет 11% площади сертифицированных лесов в мире [8].

Социально-экологические риски и преимущества глобализации

О социально-экологических рисках, проблемах и перспективах глобализации писали многие авторы, как в России, так и за ее пределами. Наиболее точен, на наш взгляд, в раскрытии этого понятия Ульрих Бек, который считает, что "глобализация" обозначает процессы, "...в которых государства и их суверенитет вплетаются в сеть транснациональных международных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности" [9]. С социологической точки зрения глобализация есть интенсификация мировых социальных отношений, сближающих самые отдаленные места и события [10]. То есть в период глобализации происходит интенсификация социальных отношений, возникает взаимосвязь как между географическими регионами, так и между различными событиями, начинает действовать регионализация и локализация глобализационных процессов.

Для России основные проблемы, связанные с глобализацией в сфере лесопользования, - это высокий процент экспорта круглого леса относительно пиломатериалов и продуктов глубокой переработки, потеря части рынков продуктов деревообрабатывающей промышленности, высокий уровень нелегального потока древесины через границы, особенно в Китай, Турцию и Финляндию [11]. Эти проблемы приводят к вырубке массивов лесов в приграничных районах, в том числе тех пород, чьи рубки запрещены, вовлечению местного населения в нелегальный бизнес, потере мест традиционного природопользования. Эти проблемы вызваны не только внешними, но и внутренними причинами. Это и передел собственности, и постоянное изменение лесного законодательства, и реструктуризация государственного управления лесами и лесной отраслью [12].

Но большинство авторов не учитывают, что такие отрицательные последствия происходят только там, где ослаблен или криминализирован государственный контроль за исполнением новых экологических норм и правил. Там, где происходит экологическая модернизация,

продиктованная новыми глобальными реалиями, мы наблюдали множество положительных моментов [13]. В данной статье на исследованных нами примерах мы постараемся проанализировать, что привносит в российский контекст внедрение глобальных практик лесопользования в условиях социально-экологических конфликтов. Другими словами, вопрос состоит в том, насколько правы те авторы, которые видят только негативные тенденции влияния глобализации на Россию и не видят примеров сбалансированного продвижения глобальных практик в российские локальности.

Анализ примеров

На наш взгляд, важно выделить следующие моменты: кто был инициатором конфликта, предмет конфликта, формы выражения конфликта; участие глобальных акторов, решение конфликта, результат для глобальных акторов, местного сообщества или коренного народа, лесной компании и его предприятия. Такая структура анализа позволит дать наиболее полную оценку. Начнем с двух сопоставимых локальных примеров. Первый пример - это поселок Струги Красные, районный центр Стругокрасненского района Псковской области. В этом районе действует компания "СТФ Струг" - дочерняя компания крупного лесоэкспортера, шведской компании "Стура Энсо", ранее имевшей в Республике Карелии большие неприятности от международных эконоНПО ("Гринпис" и других). Ее обвинили в истощительном лесопользовании и рубках старовозрастных лесов. Таким образом, в глазах западных потребителей она была "опозорена", утратила имидж, потеряла партнеров, понесла большие убытки [14]. Для восстановления имиджа ей пришлось обратиться к сертификации. Второй пример - это Прилузский район Республики Коми, где действует Прилузский лесхоз. Он сертифицировал свою систему лесного менеджмента на всей относящейся к нему территории. Этот лесхоз является арендодателем крупной лесной российской компании "Лузалес", ряда средних и большого числа мелких лесных компаний и предприятий.

В обоих случаях конфликт по поводу мест рубок возник между лесными компаниями и местными сообществами, которые обосновывали свое право на традиционное природопользование и предлагали выделить и не рубить леса "высокой социальной значимости". Одновременно там начали действовать проекты модельных лесов WWF. Модели устойчивого лесопользования и лесопользования создаются сегодня по всему миру и часто являются лабораторией социальных изменений. Соответственно, эта международная эконоНПО была заинтересована и стала посредником в решении конфликтов [15].

Остановимся теперь подробнее на анализе наших примеров. В обоих случаях инициаторами конфликтов стали местные жители, которые

были недовольны и возмущены планами лесных компаний по рубке лесов в традиционных местах их природопользования - охоты и рыбалки, сбора грибов и ягод. В Стругокрасненском районе по ягоднику должна была пройти лесовозная дорога "СТФ Струг", которая планировала сертифицироваться по системе FSC и активно участвовала в проекте создания на ее арендной базе модельного леса. В Прилузском районе самая крупная в районе лесная компания "Лузалес" также собиралась рубить в местах традиционного природопользования населения, но сертифицироваться на тот момент не собиралась, а была сертифицирована по системе FSC только через несколько лет.

Конфликт выразился в критических выступлениях в местных СМИ, происходили также сходы жителей и обсуждения, как противостоять планам компаний. Поскольку WWF уже начал на арендованных компаниями лесах осуществлять проекты модельных лесов, то, пользуясь своим авторитетом успешной и уважаемой во всем мире международной негосударственной организации, его представители и организовали встречи конфликтующих сторон. Фонд выступил посредником и помог "уговорить" лесные компании изменить планы: провести дорогу по другому маршруту, отказаться от рубок на участках природопользования местного населения. По отношению к "СТФ Струг" был использован рычаг давления на ее материнскую международную компанию "Стура Энсо", ориентированную на экологически чувствительного западного потребителя. По отношению к компании "Лузалес" использовалось сотрудничество проекта WWF с сертифицируемым Прилузским лесхозом, учеными, региональными природоохранными органами и администрацией, определяющими условия и ход аренды лесных предприятий.

В результате местные сообщества получили опыт положительного разрешения конфликта и обрели опыт общественного участия. Лесные компании стали воспринимать местные сообщества в качестве определенной группы интересов в решении вопросов лесопользования. Предприятия получили кредит доверия от населения, сделали шаг в подготовке к сертификации FSC. WWF, выступив миротворцем и обосновав свое присутствие в российских регионах, также получил кредит доверия от населения, на конкретном примере увидев расстановку сил и оценив потенциал дальнейшего общественного участия. Последующее осуществление проектов модельных лесов привело к тому, что теперь в обоих случаях спорные социально-экологические вопросы между местными сообществами и арендующими сертифицированный лес предприятиями решаются по отработанной и ставшей привычной процедуре.

Другой пример - конфликт в поселке Двинском Холмогорского района Архангельской области, где действует Двинской леспромхоз,

принадлежащий средней региональной компании "Даммерс", которая, в свою очередь, принадлежит немецкой компании "Холз Даммерс Моерс" [16]. Собственно, конфликт возник на уже сертифицированном лесном предприятии и носил скорее социальный характер. Но поскольку в ходе конфликта использовалась экологическая аргументация, его также можно отнести к социально-экологическому. Отметим сразу, что на первом этапе конфликта международные эконоНПО в нем участия не принимали. Он был инициирован рабочими предприятия - местной профсоюзной организацией, а его предметом стало нарушение прав рабочих [17].

Позже конфликт стал шире и начал осознаваться уже как противостояние части местного сообщества и лесного предприятия. Длился он несколько лет. За это время были забастовки, иски в суд, проходили многочисленные обсуждения на сходах и собраниях. Постепенно о конфликте узнали и в нем стали участвовать областные профсоюзы, региональные эконоНПО из Архангельска, Санкт-Петербурга, Москвы, а потом и международные НПО, например российский филиал FSC. В данном случае в качестве посредника в конфликте выступили региональные НПО, которые помогли грамотно оформить проблему, придать ей огласку среди региональных, районных и поселковых властей, привлечь внимание аудиторов и международных органов FSC [18].

В результате рабочие и местное сообщество получили богатый опыт общественного участия в решении наболевших вопросов. Трудовой договор был подписан, план социального развития предприятия согласован с планом социального развития поселка. Руководство предприятия осознало, что находится под особым наблюдением ряда эконоНПО и общественной экологической сети, почувствовало, что сертификация FSC обязывает быть социально ответственным [19]. Международные НПО получили опыт, показавший необходимость контроля за выполнением социального блока сертификации. Для России этот случай также стал примером, когда реальное общественное участие было организовано без помощи международных эконоНПО.

Последний пример - поселок Агзу Каратузского района Приморского края на Дальнем Востоке, где действует компания "Тернейлес". Там проживает община удэгейцев, являющихся малым коренным народом. Конфликт по поводу ущемления компанией прав на традиционное природопользование тоже продолжался в течение нескольких лет. Контекстом конфликта послужила заинтересованность большого числа региональных и международных эконоНПО ("Брок", "Экодаль", "WWF Дальний Восток", "Гринпис" России, Центр охраны дикой природы, Центр дикого лосося, Центр окружающей среды и других) в сохранении уникального лесного массива бассейна реки Самарги, где "Тернейлес" получил в аренду огромные участки.

Формально конфликт был инициирован местной удэгейской общиной поселка Агзу, в лесах вокруг которого и планировалась деятельность компании. Он тут же был поддержан региональными и международными экоНПО. Однако надо добавить, что международные экоНПО еще до возникновения конфликта активно сотрудничали с общиной поселка Агзу, где был осуществлен ряд культурно-экологических проектов. Поэтому инициатива выступления общины против лесной компании изначально опиралась на поддержку международного экологического сообщества. Предметом конфликта стали большие территории традиционного природопользования - охоты и рыболовства, на которых планировались рубки. Формой выражения конфликта стали протесты региональных и международных экоНПО против планов "Тернейлес". Поскольку это предприятие планировало сертифицироваться, оно было обязано провести общественные обсуждения планов рубок, получить письменное согласие общины коренного народа на проведение рубок, подписать соглашение с местными общинами по планам социального развития. Первоначально община Агзу свое согласие на рубки не дала и предлагаемое компанией соглашение не подписала, а выставила свои требования - предоставление информации о планах рубок, компенсация ущерба каждому охотнику, на участке которого будут производиться рубки, общая компенсация общине в виде финансируемого компанией плана социального развития поселка, прозрачность деятельности компании. После длительных переговоров с общиной Агзу и всеми участвующими в конфликте экоНПО были подписаны соглашения как с общиной Агзу, так и со всеми экоНПО.

В результате местное сообщество получило финансирование местной социальной программы, улучшило свое социальное и экономическое положение за счет получения компенсаций, добилось более щадящих для леса методов рубок. Предприятию пришлось изменить свой экологический менеджмент и отношения с общественностью. Оно приобрело экологический имидж, доверие японских фирм-покупателей, снизилась его критика со стороны экоНПО.

Выводы

Проанализированные в статье примеры показывают, что глобализация не только имеет негативные тенденции, порождая новые, все более масштабные проблемы, но и создает механизмы решения локальных проблем.

Описанные примеры как раз и демонстрируют такое наложение глобальных процессов на локальные проблемы. Они служат примером положительного решения конфликтов при участии международных сетей экоНПО, а также показывают необходимость международной поддержки для решения локальных проблем. Даже в случаях длительного и жесткого

противостояния объединение усилий местных сообществ с региональными и международными эконоНПО дает положительный результат.

Позитивное решение конфликтов стало, с одной стороны, значимым опытом для лесных компаний, они "заметили" местное сообщество, стали учитывать его при решении вопросов лесопользования и лесопользования. С другой стороны, проявившие социальную лояльность лесные предприятия получили кредит доверия и даже поддержку населения. Все это помогло им сертифицироваться или подтвердить сертификат FSC при повторных аудитах, сделать систему лесного менеджмента на предприятии более качественной.

Международные и региональные НПО также получили кредит доверия от населения, на практике опробовав новый механизм взаимодействия и организации общественного участия, обусловленный международными негосударственными стандартами и сертификационными системами, то есть получили опыт локализации глобальных практик общественного участия в грамотном использовании лесов.

Кроме того, и это важно подчеркнуть: в проанализированных конфликтах международным и региональным эконоНПО пришлось работать не только над решением специфичных для их деятельности экологических проблем - сохранения лесов и биоразнообразия, но и над разрешением социальных проблем, связанных с правами рабочих, местного и коренного населения. Обычно заинтересованность в разрешении последних декларируется эконоНПО, но на практике чаще находится вне фокуса внимания и действий этих организаций. Но в проанализированных выше случаях ситуация подтолкнула эконоНПО не только декларировать социально-экологические цели, но и работать по их реализации.

Литература

- [1] Forest Stewardship Council - Лесной попечительский совет (www.fsc.org).
- [2] Ядов В. Стратегия социологического исследования. М.: Добросвет, 1999.
- [3] World Wildlife Fund - Всемирный фонд дикой природы (www.wwf.ru).
- [4] О'Рурке Д. Глобальное и локальное управление: усиление негосударственных систем регулирования труда. Пер. с англ. и ред. А. Кулясовой // Социология и социальная антропология. 2006 (на правах рукописи в специальном выпуске "Негосударственные механизмы управления в глобальном обществе", который находится в процессе издания).

- [5] Cashor B., Auld G., Newson D. Governing Through Markets: Forest Certification and the Emergence of Non-State Authority. New Haven, London: Yale University Press, 2004.
- [6] Кулясов И.П., Кулясова А.А., Пчелкина С.С. Региональные аспекты глобального процесса лесной сертификации // Регион: экономика и социология. 2005. № 4. с. 154-169.
- [7] Кулясова А.А., Кулясов И.П. Российская национальная добровольная лесная сертификация (на примере ЗАО "Вожегалес" и поселка Кадниковский Вологодской области) // Spectrum: Экология в Северо-Западном регионе России. СПб.: ТЭИА, Февраль 2005.
- [8] Лесной клуб российских эконоНПО (www.forest.ru).
- [9] Бек У. Что такое глобализация? Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника. М.: Прогресс-Традиция, 2001. с. 26.
- [10] Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- [11] Писаренко А.И., Страхов В.В. Лесное хозяйство России: от пользования к управлению. М.: Юриспруденция, 2004.
- [12] Кулясова А.А., Кулясов И.П. Реструктуризация государственных природоохранных органов // Охрана водосборов в России и США. Ред. М. Тысячнюк, А. Кулясова, И. Кулясов. Вологда: ВИРО, 2001. с. 10-13.
- [13] Кулясов И.П. Экологическая модернизация: теория и практики. Ред. Ю. Пахомов (Предисловие). СПб.: СПбГУ, 2004.
- [14] Воробьев Д. Экологическое движение в защиту карельских лесов // Экологическая модернизация лесного сектора в России и США. Ред. М. Тысячнюк, А. Кулясова, И. Кулясов, С. Пчелкина. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2003. с. 72-87.
- [15] Тысячнюк М.С. Деятельность WWF по созданию модельных лесов в России // Экологическая модернизация лесного сектора в России и США. Ред. М. Тысячнюк, А. Кулясова, И. Кулясов, С. Пчелкина. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2003. с. 25-72.
- [16] Пчелкина С.С., Кулясова А.А., Кулясов И.П. Лесная сертификация по системе FSC на примере "Малошуйкалес" и Двинского ЛПХ // Лесной бюллетень. Декабрь 2004. № 3 (26). с. 27-29.
- [17] Кулясов И.П., Кулясова А.А., Пчелкина С.С. Региональные аспекты глобального процесса лесной сертификации // Регион: экономика и социология. 2005. № 4. с. 154-169.
- [18] Тысячнюк М.С., Кулясова А.А., Пчелкина С.С. Роль международных общественных организаций в формировании новой социально-экологической политики // Исследования социальной политики. 2005. № 3. с. 305-326.
- [19] Кулясов И.П. Социальная ответственность лесного бизнеса // Гражданское содружество. 2005. Март. № 3 (5). с. 5.